

УДК 902.01

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2022.2.356.370>

КЛАД НАЧАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА У ПОСЕЛКА ОДОЕВСКИЕ ГОРЫ В СРЕДНЕМ ПООЧЬЕ

© 2022 г. Е.С. Азаров, И.Р. Ахмедов

Статья представляет собой первичную публикацию клада, обнаруженного у поселка Одоевские горы Спасского района Рязанской области и переданного в 2013 г. в Исторический музей. Клад включает в себя украшения одежды, прежде всего головного убора, и элементы конской упряжи – всего 231 предмет. Аналогии предметам в целом позволяют соотнести их с древностями ананьинской культурно-исторической области и датировать временем не позднее середины VII в. до н.э. Полевыми исследованиями в 2014 году выявить контекст клада не удалось, но определена возможная связь с поселением конца бронзового – начала раннего железного века Тырново 14, которое существовало примерно до VII-VI вв. до н.э. В ходе полевых исследований также выявлен археологический и антропологический материал, который свидетельствует о существовании здесь же могильника X–XI вв. с захоронениями по обряду кремации и, возможно, селища, существовавшего непродолжительное время в поздний период Средневековья.

Ключевые слова: археология, клад, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, «текстильная» керамика, головной убор, конская упряжь, развитое Средневековье, кремации.

HOARD OF THE EARLY IRON AGE NEAR ODOEVSKIE GORY VILLAGE IN THE MIDDLE OKA REGION

E.S. Azarov, I.R. Akhmedov

The paper is the initial publication of a hoard found near Odoevskie Gory village in the Spassky District of the Ryazan region and transferred to the State Historical Museum in 2013. The hoard includes adornments for clothing, primarily headdresses, and elements of horse equipment with a total of 231 items. General comparisons with artifacts allow the authors to correlate them with the antiquities of the Ananyino cultural and historical area and date not later than the middle of the 7th century BC. The context of the hoard was not established during the field studies of 2014, but a possible connection with the Tyrnovo 14 settlement of the late Bronze – Early Iron Age was determined, which existed approximately until the 7th-6th centuries BC. In the course of field studies, archaeological and anthropological material has also been identified, which indicates the presence of a burial ground of the 10th-11th centuries at the site, which featured cremation burials and, possibly, a settlement which operated for a short period of time in the late Middle Ages.

Keywords: archaeology, hoard, Early Iron Age, Ananyino cultural and historical area, textile ceramics, headdress, horse equipment, developed Middle Ages, cremation burials.

В 2013 году во время работ Рязано-окской археологической экспедиции ГИМ на городище у с. Терехово Шиловского района Рязанской области нами были получены сведения о находке местными жителями клада бронзовых предметов у поселка Одоевские горы Спасского района Рязанской области к северу от старичного озера Кривое на левом берегу р. Оки (рис. 1). Осмотр места находки позволил обнаружить кладоискательскую яму и зафиксировать следы значительных разрушений на прилегающей территории, где были собраны различные предметы и кальцинированные кости, происходящие из разрушенного могильника по обряду кремации X–XI вв. и отдельные находки эпохи развитого Средневековья. В результате принятых оперативных мер клад был изъят и поступил в фонды

Исторического музея (ГИМ 114522) (Ахмедов и др., 2013, с. 127–128). Были спланированы и дальнейшие разведывательные работы на месте находки клада, проведенные уже в 2014 г. (Азаров, 2014).

Описание клада. Клад у Одоевских гор насчитывает 231 предмет и состоит из нескольких категорий украшений головного убора и одежды, а также элементов конской упряжи. К украшениям относятся различные трубчатые нашивные пронизи и обоймы, сдвоенные выпуклые бляшки, тонкие орнаментированные нашивные пластины и более массивные бляхи. К элементам конской сбруи относятся парные стержневидные псалии и распределители ремней узды.

Трубчатые пронизи имеют гладкую (40 экз.) (рис. 2: 1–3) и рельефную поверхность

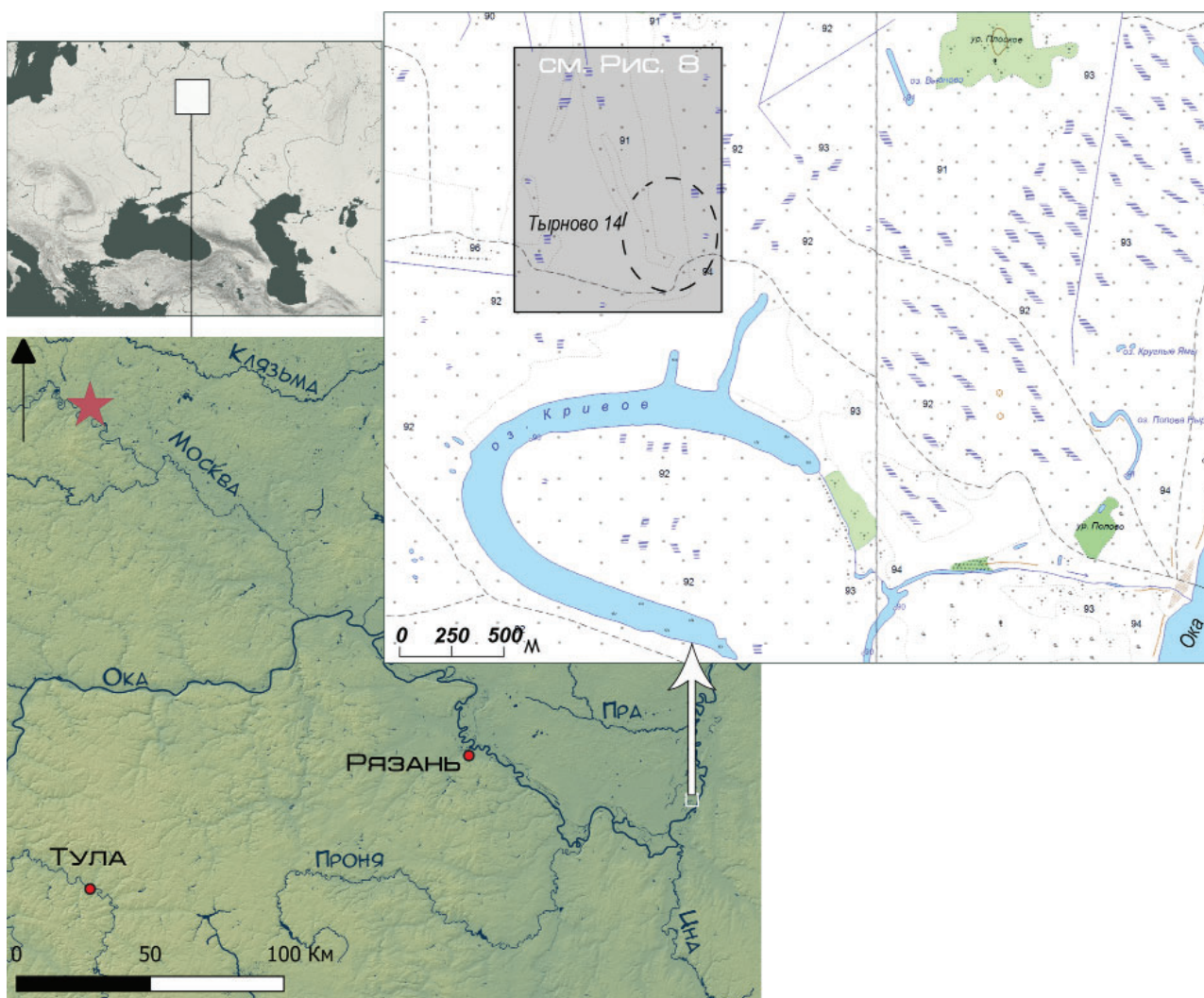

Рис. 1. Расположение места находки клада и поселения Тырново 14 (7).
Fig. 1. Location of the discovered hoard and settlement of the Tyrnovo 14 (7).

(11 экз.), похожую на гофрирование (рис. 2: 4). "Гладкие" представляют собой свернутые в трубочку округлого сечения тонкие пластины диаметром около 0,5–0,6 см, длинные края некоторых из них немного сплюснуты. Продольные, иногда неровные края их чаще всего сомкнуты друг с другом или имеют небольшой зазор. По длине трубчатые пронизи можно разделить на короткие (4,3–4,8 см – 5 экз.) (рис. 2: 2), средние (5,6–6 см – 26 экз.) (рис. 2: 2) и длинные (9,8–10 см – 9 экз.) (рис. 2: 3).

"Гофрированные" пронизи также свернуты из тонких, но рифленых, в ряде случаев с неровными краями, пластин. Длина их составляет 2,3–2,5 см, в сечении овальные, с поперечниками от 0,4 до 0,7 см. Продольные края также сомкнуты или имеют небольшой зазор.

Дуговидные нашивные пронизи или обоймы с двухскатной лицевой поверхностью, имеющие овальную петлю, являются самой

массовой категорией – всего 139 экз. (рис. 3). Размеры лицевого щитка в длину и ширину составляют в среднем 1,5–1,6 см и 1–1,1 см соответственно, единично больше или меньше на 1 мм. На большей части пронизей с обратной стороны в профиле петли шириной 0,3–0,6 см заметен спаянный стык при наложении краев друг на друга в процессе изготовления.

Сдвоенные накладные выпуклые бляшки представлены в количестве 22 экз. (рис. 4: 1). Они выполнены из тонкого листа, по форме напоминают восьмерку с немного приостренными краями. С обратной стороны в центре каждой из частей сделано углубление, образующее выпуклость на лицевой стороне. Размеры бляшек по длине и ширине составляют 3,6–4,2 см и 1,5–2,1 см соответственно.

Пара ажурных плоских блях представляют собой округлую рамку шириной 0,5–0,6 см, диаметром 5,8–6 см с вписанными в нее тремя соединенными между собой спиралевидными

Рис. 2. Трубочатые пронизи из клада у Одоевских гор: 1 – гладкие пронизи средней длины; 2 – короткие гладкие пронизи; 3 – длинные гладкие пронизи; 4 – «гофрированные» пронизи.
Fig. 2. Tubular threads from the hoard near Odoevskie Gory: 1 – smooth threads of medium length; 2 – short smooth threads; 3 – long smooth threads; 4 – ‘corrugated’ threads.

ми бляшками диаметром 2–2,3 см (рис. 4: 3). Толщина их составляет 2,7–3,8 мм. К рамке бляшки прикреплены при помощи узкой, вытянутой петли, местами элементы ее утрачены. С тыльной стороны у каждой из спиралевидных бляшек по центру расположено по одному округлому выступу-“жемчужине” диаметром около 0,8 см. По внешнему контуру округлой рамки в трех местах расположены группы из четырех узких лопастей, которые на одной из блях также частично утрачены.

Небольшая *круглая бляшка* диаметром 1,6 см с петлей на тыльной поверхности, на плоской лицевой стороне имеет выгравированный орнамент, состоящий из трех параллельных линий, пересекающихся в центре с двумя другими, расположенными перпендикулярно первым, параллельными линиями (рис. 4: 2).

Круглые накладные бляшки представлены шестью экземплярами (рис. 5: 1–2). Три из них имеют диаметр 3,7 см, две – слабо выраженной овальной формы (3,7×3,8 и 3,8×3,9 см), ещё одна значительно меньших размеров

(2,9×3,1 см) немного согнута, вероятно, ещё в древности (рис. 5: 2). Бляшки выполнены из тонкого листа, края которого завернуты на тыльную сторону. По краю на лицевую поверхность пуансоном нанесён точечный орнамент, им же выполнены две взаимно перпендикулярные, проходящие через центр линии. В центре каждой накладки располагаются парные отверстия для нашивания диаметром не более 2,5 мм.

Другие *фигурные накладки* из тонких пластин толщиной 0,5 мм, орнаментированные пуансоном, представлены ещё тремя изделиями. *Вытянутая бляха трапециевидной формы* (рис. 5: 5) с закругленными углами длиной 8,7 см и сторонами в 2,1 и 4,4 см орнаментирована по всем краям, кроме самого короткого, где параллельно ему пробиты парные отверстия для нашивания. По средней линии накладки пуансоном выполнена ещё одна, состоящая из двух отрезков длиной соответственно 2,5 и 2,8 см, линия.

Вытянутая бляха подтреугольной формы с закругленным углом-вершиной длиной 15,3

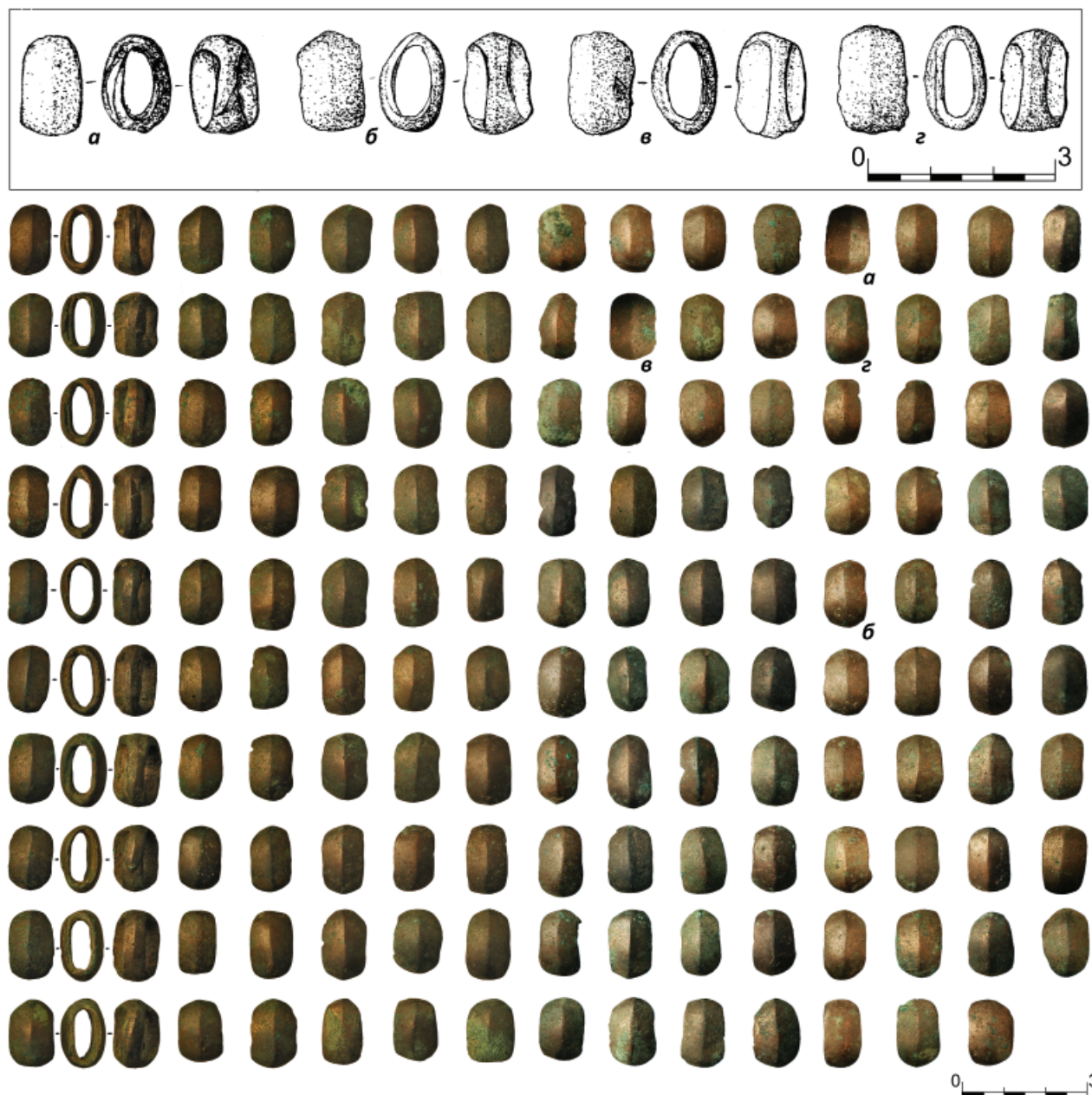

Рис. 3. Нашивные дуговидные проны из клада у Одоевских гор.
 Fig. 3. Sewn-on arcuate threads from the hoard found near Odoevskie Gory.

см имеет прямое основание в 8 см (рис. 5: 4). По длинным ее краям в виде двух параллельных линий, которые стыкуются на вершине треугольника, пуансоном нанесён орнамент; вдоль края основания между двумя рядами такого же орнамента выбита зигзагообразная линия. Перпендикулярно длинным сторонам в серединной части бляхи расположены по две параллельные полосы пуансонного орнамента, параллельно им внутри каждой из них по одной линии друг против друга нанесены по два прямых отрезка пуансонного орнамента. В углах основания треугольника находятся по два мелких округлых отверстия для нашивания, пробитых поверх орнамента; на вершине – еще одно такое же отверстие.

Ещё одна фигурная накладка-бляха трапециевидной формы имела загнутые на тыльную сторону края (рис. 5: 6). Один загнутый край прямой, второй срезан под выступающим в центре углом. Длина боковых сторон составляет 7,2 и 8 см, высота – 4 см. По средней линии и вдоль длинных краев накладки пуансоном нанесена орнаментация. У короткого края под орнаментом выбиты парные отверстия.

Круглая умбоновидная массивная бляха диаметром 8,6 см в центре имеет круглый выступ с плоским округлым завершением диаметром 1,2 см (рис. 6: 1). На тыльной стороне попарно расположены четыре дуговидные петли, каждая из них параллельна противостоящей ей петле.

Рис. 4. Изделия из клада у Одоевских гор: 1 – двойные накладные выпуклые бляшки; 2 – круглая орнаментированная бляшка с петлей; 3 – парные ажурные плоские бляхи.
Fig. 4. Artifacts from the hoard found near Odoevskie Gory: 1 – double planted convex plaques; 2 – round ornamented plaque with loop; 3 – paired flat openwork plaques.

Четыре *пронизи-распределителя* ремней для конского оголовья представляют собой по две довольно массивные плоские круглые бляшки большего (2,7–3 см) и меньшего (2,2–2,7 см) диаметров, соединенные между собой четырьмя округлыми в сечении стержнями диаметром 0,4–0,5 см и длиной около 0,8–1 см (рис. 6: 2). Каждый распределитель имеет отверстие диаметром до 1,1 см в центре меньшей бляшки.

Парные *стержневидные псалии* имеют округлое сечение диаметром 0,65 см и длину 7,5 и 8,5 см (рис. 6: 3–4). С одного конца псалии завершаются округлой "шляпкой" диаметром 1–1,2 см, с другого – раскованной загнутой лопастью шириной до 1,5 см. На стержне на противоположной от лопасти стороне расположены по две петли.

Единично представлен также небольшой *фрагмент пластинчатой трапецевидной подвески* длиной 1,4 см и максимальной шириной в 1,2 см, с отверстием в центре узкой части (рис. 5: 3).

Атрибуция и аналогии. Описанные выше украшения всех категорий наиболее близкие аналогии имеют в древностях культур ананьинской культурно-исторической области (АКИО) раннего железного века, обнаруженных в погребальных памятниках. Они известны как в качестве отдельных находок, так и в составе сложных налобных венчиков (Патрушев, 1982; 2011, с. 36–37). Наиболее широко этот элемент головного убора представлен в инвентаре погребений Старшего Ахмыловского могильника. Трубчатые гладкие и "гофрированные" пронизи разной

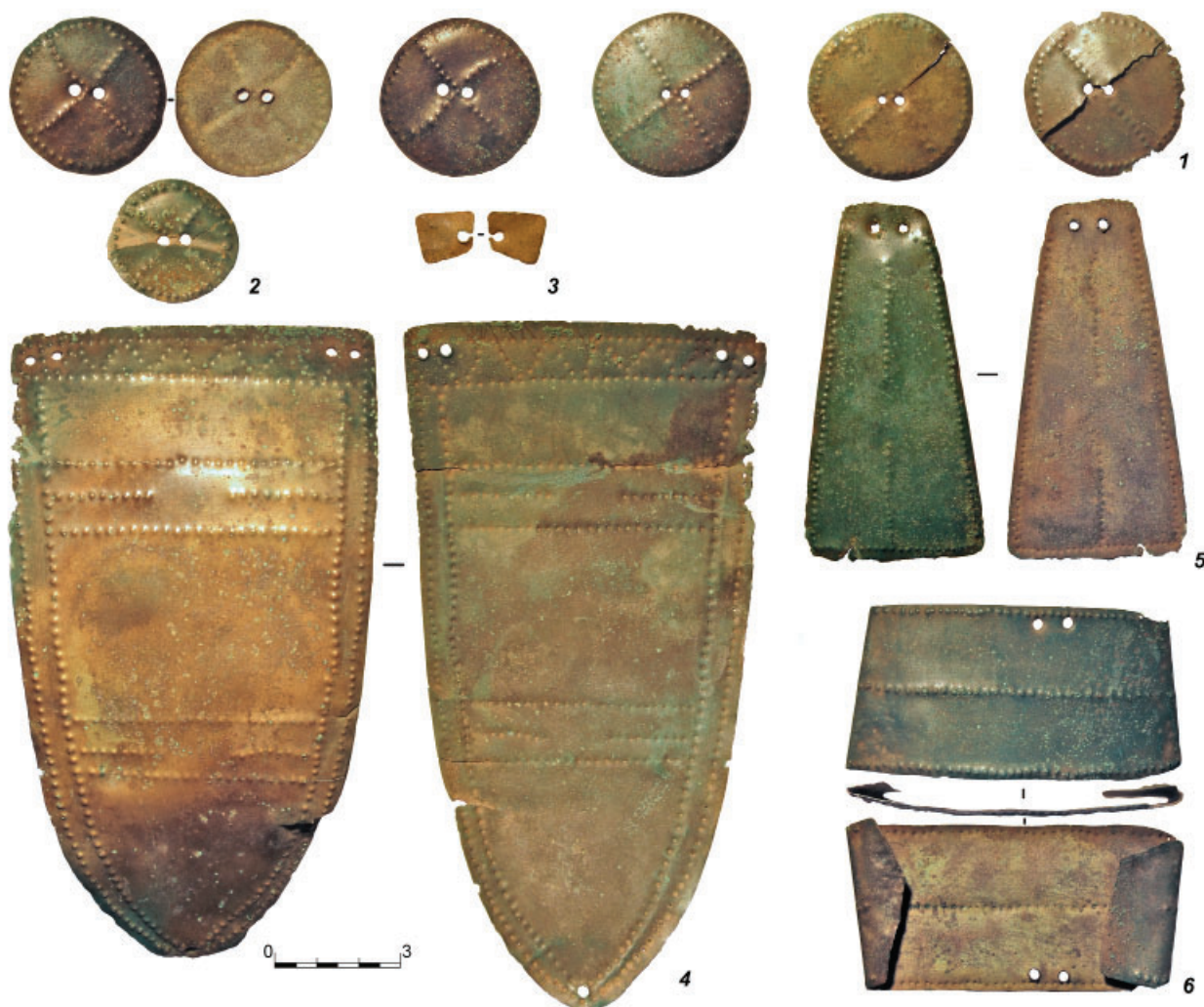

Рис. 5. Фигурные накладки-бляхи и фрагмент привески (3) из клада у Одоевских гор.
 Fig. 5. Figured planted plates and pendant fragment (3) from the hoard found near Odoevskie Gory.

длины встречены во множестве погребений (Патрушев, Халиков, 1982, с. 140, табл. 3: 4в; с. 149, табл. 12: 1а; с. 150, табл. 13: 1б и др.; с. 139, табл. 2: 1б; с. 153, табл. 16: 3в; с. 271, табл. 134: 4б), зачастую вместе с круглыми и иными фигурными бляшками-накладками (Патрушев, Халиков, 1982, с. 164, табл. 27: 2в, 3б; с. 173, табл. 36: 3а; с. 182, табл. 45: 2а; с. 206, табл. 69: 1а; с. 211, табл. 74: 1а; с. 234, табл. 97: 5а), а также сдвоенными выпуклыми "восьмерковидными" (Патрушев, Халиков, 1982, с. 168, табл. 31: 1а, 1б; 179, табл. 42: 1а; с. 187, табл. 50: 4д). Известны подобные украшения, как единичные, так и во множестве экземпляров, и в погребальном инвентаре других могильников: Акозинском (Халиков, 1977, с. 26), Тетюшском (там же, с. 59), Мурзихинском (Беговатов и др., 1993, с. 157, рис. 16) и др.

Особый интерес представляют плоские ажурные бляхи с выступами-лопастями и тремя спиральными бляшками в центре – идентичные предметы были обнаружены в

погребениях № 139, 355, 449, 834 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982, с. 162, табл. 25: 1а; с. 203, табл. 66: 1б; с. 210, табл. 73: 2а; с. 256, табл. 119: 2а) и вне могильных ям (там же, с. 138, табл. 1: 6; с. 176, табл. 39: 4б). Исходя из расположения в захоронениях, такие бляхи являлись также частью налобного венчика.

Деталью головного убора были и небольшие круглые бляшки с плоским щитком и петлей, которые чаще всего находились в погребениях по одному экземпляру (там же, с. 149, табл. 12: 1в, 3в; с. 159, табл. 22: 1б, 2е; с. 195, табл. 58: 4в; с. 265, табл. 128: 2в) и в каждом случае представляют собой довольно оригинальное изделие, часто орнаментированное. Подобные бляшки, а также нашивные дуговидные пронизи были распространены на протяжении всего раннего железного века на широкой территории. Последние встречаются как среди древностей АКЮ, так и в более восточных, южных и западных памятниках и кладах (Воробьева, 2014, с. 324, рис. 11; Мака-

Рис. 6. Изделия из клада у Одоевских гор: 1 – умбовидная бляха; 2 – распределители ремней; 3-4 – стержневидные псалии.
 Fig. 6. Items from the hoard found near Odoevskie Gory: 1 – umbon-shaped plaque; 2 – belt distributors; 3-4 – rod-shaped psalia.

Рис. 7. «Скальпированные» площадки и подъемный материал в 2013–2014 гг. на поселении Тырново 14 (7).

Площадка 1 – вид с юго-востока (а), площадка 2 – вид с юго-запада (б).

Fig. 7. 'Scalped' sites and excavated material of 2013–2014 at the Tyrnovo 14 settlement (7).

Site 1 – view from the southeast (a), site 2 – view from the southwest (б).

ров, 2018, рис. 6: 12; Шульга, 2015, с. 240–241, рис. 11: 4–5; 12: 9 и др.; Кренке и др., 2011, с. 138, рис. 4А: 17–37 и т. д.).

Массивная умбоновидная бляха для древностей АКЮ также является довольно характерным изделием. Встречены как орнаментированные экземпляры, так и без орнамента. По месту расположения в погребальных комплексах такие вещи определяются как нагрудные украшения (Патрушев, Халиков, 1982, с. 153, табл. 16: 6б; с. 154, табл. 17: 21; с. 164, табл. 27: 2з; с. 191, табл. 54: 12; с. 201, табл. 64: 2а; с. 248, табл. 111: 3в и др.; Халиков, 1977, с. 46). Однако существенным отличием бляхи из клада является наличие четырёх петель для привязи вместо одной у аналогов. Возможно, это свидетельствует об ином назначении предмета и его связи с конским снаряжением, также имеющим свои интересные особенности.

Пронизи-распределители ремней – довольно редкая для АКЮ категория древностей, а известные по назначению предметы довольно

сильно отличаются от четырех изделий клада (Патрушев, Халиков, 1982, с. 181, табл. 44: 9б; с. 222, табл. 85: 3в; Чижевский, 2008, с. 153, рис. 32: 21, 26). В качестве аналогий можно рассматривать некоторые типы пронизей "раннескифского времени" лесостепной зоны, обнаруженных в могильниках в верховьях р. Сулы (приток р. Днепр) к юго-западу от места находки клада. Это тип пронизей усеченно-конической формы широких пропорций и тип с круглым и плоским щитком (Могилев, 2008, с. 67–68; рис. 127: 37, 45; 128: 19). Распространение таких пронизей на Суле датируется серединой VII–VI вв. до н. э. (Могилев, 2008, с. 67–68).

Заметно выделяются и стержневидные псалии из клада¹, также относящиеся к довольно редкой категории находок в древностях АКЮ. Довольно близкой аналогией им являются псалии из погребений и жертвенных комплексов I и II Мурзихинских могильников (Кузьминых, Чижевский, с. 116, рис. 6: 5–6, 13–14). Рассматриваемые псалии относятся

к так называемому "классическому" новочеркасскому типу и, по последней известной сводке, датируются концом VIII – первой половиной VII вв. до н. э. (Вальчак, 2009, с. 94). Находка из клада у Одоевских гор, таким образом, является пока самой северной точкой распространения этого типа псалий. В то же время они отличаются наличием только двух петель – все известные стержневидные псалии схожих типов "трехпетельчатые". Такая особенность подразумевает и отличительную конструкцию удила и, соответственно, способа управления конем. Несколько другая и форма петель псалий клада – более овальная, неправильная, в отличие от округлых петель "классического" новочеркасского типа псалиев. Нужно отметить, что среди находок конской упряжи конца бронзового – начала раннего железного веков Волго-Камья известны также "двудырчатые" псалии (Чижевский, 2008, с. 52–53), но совсем других типов. Возможно, в нашем случае псалии были «приспособлены» под местные традиции.

Таким образом, перед нами довольно хорошо связанный между собой и с древностями АКИО комплекс. Аналогии предметам из клада в большей степени связаны с древностями постмаклашеевской, по А.А. Чижевскому, культуры (Чижевский, 2008). Учитывая хронологию псалиев, совместное время бытования изделий из клада ограничивается серединой VII в. до н. э. По схеме развития основных форм блях и налобных венчиков Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 2011, с. 186–189, рис. 39–42), комплекс украшений головного убора датируется VII в. до н. э. Это время соответствует второму этапу раннего периода АКИО (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 107–124).

Полевые исследования. По сведениям, полученным от находчиков, клад был обнаружен в южной части песчаной гряды, рядом с пересечением двух грунтовых дорог, на глубине 20–40 см от современной поверхности. Гряда вытянута с севера на юг примерно на 2,5 км, ширина ее около 130–150 м, и высота 1,5–2 м над поймой левого берега р. Оки в 3–3,3 км к западу от её русла (рис. 1). По краям всхолмление ограничивают ложбины. Из известных археологических памятников территориально и хронологически близким оказывается поселение Тырново 14 (7)², выявленное Е.Д. Каверзневой в 1986 г. (1986) по подъёмному материалу вдоль грунтовой дороги и зачистке обнажений перекопов в западной части южного края всхолмления³. Терри-

тория памятника без деревьев и кустарной растительности, покрыта невысокой травой с отдельными участками луговой растительности.

В 2013 году был осмотрен оплывший «кладоискательский шурф» размерами около 2×1 м. Севернее располагались поврежденные техникой площадки и ямы перекопов, где были собраны отдельные вещи и фрагменты кальцинированных костей (рис. 7). В ходе сборов и переборки небольших отвалов⁴ в 2013–2014 гг. были найдены предметы из бронзы в виде пряжки (рис. 7: 1), фрагментов подвесок, пуговицы (рис. 7: 2, 3, 5), фрагмента браслета (гривны?) (рис. 7: 4), по аналогиям датируемые в основном X–XI вв. (Зеленцова, Милованов, 2021, с. 23–24, рис. 8: 11, 18, 19, 21; Мурашева, 2000, с. 26–27; Никитина, 2012, с. 62–73 и др.), а также иные предметы эпохи развитого Средневековья и более позднего времени (рис. 7: 6–11). Характер подъёмного материала и площадь его распространения подтвердили выдвинутые в 2013 г. предположения о наличии в южной части песчаной гряды могильника X–XI вв. с захоронениями по обряду кремации. Очевидно, погребения представляли собой кремации на стороне, помещенные или на древнюю дневную поверхность, или в небольшие углубления, в результате чего захоронения нередко располагались непосредственно под дерном⁵. Подобные случаи зафиксированы в памятниках финского населения Среднего Поочья последней четверти I – начала II тыс., в том числе и в близких ландшафтных условиях, например, в могильниках Курман, Шагара 5 – Барское 2, Городище 2 и др. (Уваров, 1890, с. 340–341; Ахмедов, 2020, с. 27–28, 41–43; Биркина, 2021, с. 134–136).

В 2014 году также были заложены два шурфа площадью по 4 м² каждый. Один из них располагался на нетронutom участке между двух «скальпированных» площадок, недалеко от места концентрации кальцинированных костей (шурф 1). Второй включал в себя предполагаемую кладоискательскую яму в западной части южного окончания гряды (шурф 2) (рис. 8). К сожалению, оба шурфа не выявили каких-либо нетронутых объектов, связанных с могильником или остатками клада. Стратиграфия в обоих шурфах довольно схожа (рис. 8: 1) – под дерном и верхним слоем серо-коричневого слоя песка залегал слой плотного темно-серого песка (в среднем мощностью в 10–20 см), за ним слой светло-желтого легкого песка (мощностью не более 10 см),

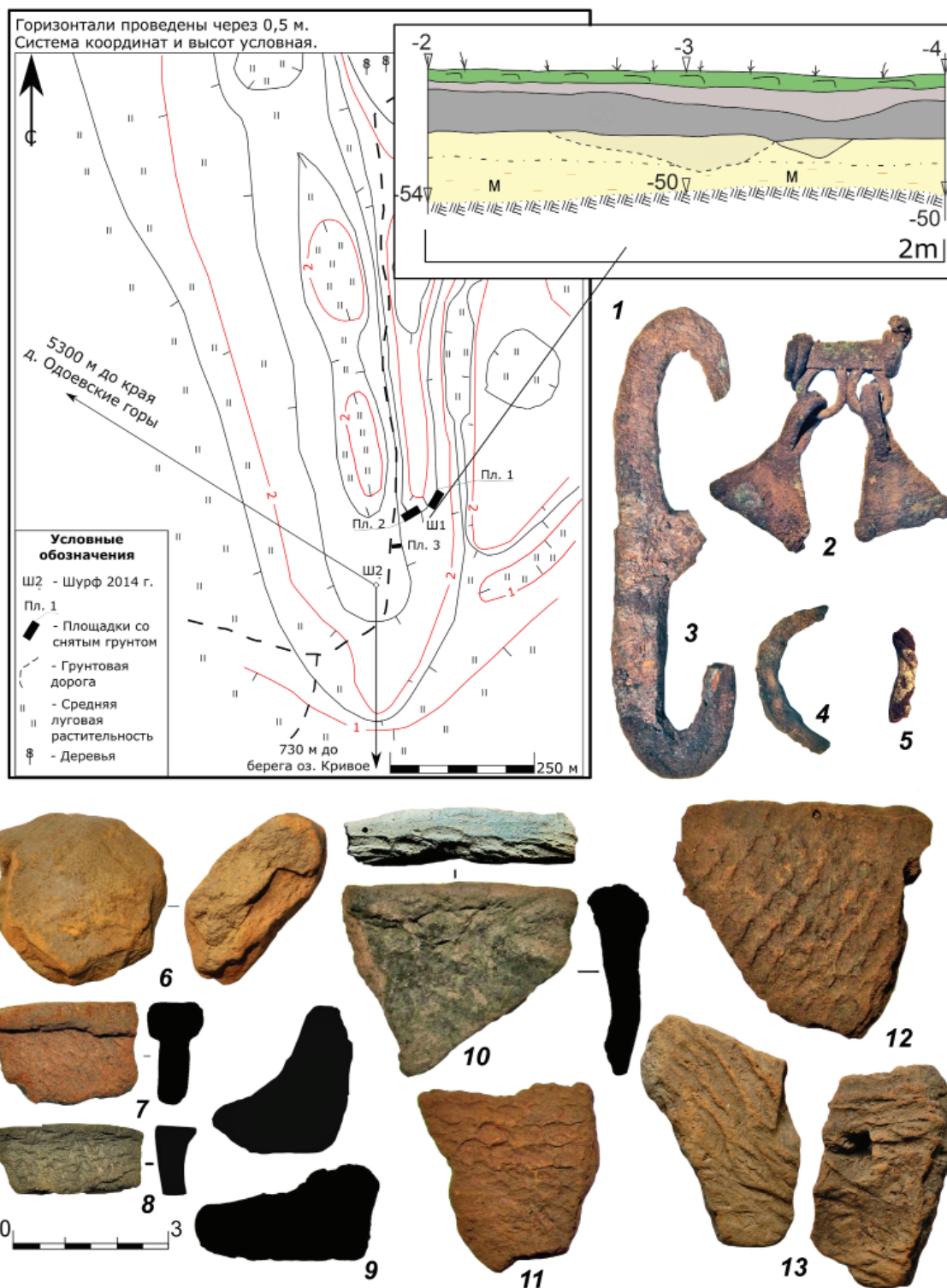

Рис. 8. Исследования местонахождения клада и поселения Тырново 14 (7): 1 – топографический план и стратиграфия восточного борта шурфа 1; 2-6, 8-12 – шурф 1 2014 г.; 7 – шурф 2 2014 г.; 13 – сборы Е.Д. Каверзневой в 1986 г.

Fig. 8. Studies of the location of the hoard and settlement of the Tyrnovo 14 (7): 1 – topographic plan and stratigraphy of the eastern side of pit 1; 2-6, 8-12 – pit 1, 2014; 7 – pit 2, 2014; 13 – collections by E.D. Kaverzneva in 1986.

который отличается от «материка» отсутствием орзандов и наличием археологического материала. Отдельными небольшими пятнами под темно-серым песком в профилях выявлен серо-желтый пестрый песок – вероятно,

связанный с жизнедеятельностью животных или растений.

Археологический материал представлен эпохами неолита, рубежом бронзового и железного веков, развитым и поздним Сред-

невековьем. Находки средневековых периодов ограничиваются в основном слоем темно-серого плотного песка, образование которого, вероятно, и произошло в это время – всего обнаружено 18 мелких фрагментов круговой керамики (6/12 – здесь и далее шурф 1/шурф 2). Материалы X–XI вв. обнаружены только в шурфе 1 и представлены фрагментом шумящей подвески со следами пребывания в огне (рис. 8: 2). Возможно, к этому же или более позднему периоду относятся кресало (рис. 8: 3), фрагмент неопределенного предмета из железа (рис. 8: 4), а также фрагмент стеклянного браслета (рис. 8: 5). Кроме того, был обнаружен 61 фрагмент кальцинированных костей разных размеров (до 1,5 см²), которые не образовывали каких-либо скоплений, но, очевидно, связаны с могильником X–XI вв.

Доисторические материалы представлены двумя слабо определимыми фрагментами керамики периода неолита, 149 фрагментами (124/25) лепной керамики рубежа бронзового и железного веков (из них 69 (60/9) представляют собой мелкую керамическую «крошку» площадью до 2 см²), а также шестью отщепами из серо-желтого кремня и одним фрагментом льячки (рис. 8: 6). Стратиграфически находки обнаружены в слоях как темно-серого, так и светло-желтого песка, однако в последнем керамика значительно крупнее. Керамика рубежа бронзового и железного веков мало-выразительна. Сетчатые отпечатки, не считая неопределимую «керамическую крошку», отчетливо представлены только на 29 фрагментах (три из них в шурфе 2). В основном это «рябчатые» отпечатки с крупными округлыми элементами (11 фр.) (рис. 8: 11–12), но встречаются также вытянутые узкие (9 фр.), средние и мелкие подквадратные отпечатки (7 фр.). Единично представлены «ниточные» отпечатки (2 фр.) (рис. 8: 7). Орнаментации на фрагментах керамики из шурфов не встречено. Т-образная форма венчиков (рис. 8: 7–8), характер отпечатков, отсутствие керамики городищской культуры с «рогожными» отпечатками, характерной для памятников Среднего Поочья с VI в. до н. э., позволяют определить время существования поселения не позднее VII–VI вв. до н. э. (Фоломеев, 1993, с. 21; 2017, с. 324, 330). Следует также упомянуть несколько характерных фрагментов керамики с «ниточными» отпечатками, орнаментированных палочкой под наклоном (рис. 8: 13), которые были найдены при сборах в 1986 году. Такая керамика датируется широко, но верхняя граница – не позднее середины I тыс.

до н. э. (Сыроватко, 2013, с. 372). Приведенные данные в целом сопоставимы с предварительной датировкой клада – не позднее середины VII в. до н. э.

Результаты полевых работ у оз. Кривое не дали достоверных данных для определения контекста закладки клада, но позволяют гипотетически соотнести его с поселением конца бронзового – начала раннего железного века, вероятно, с его периферией. Культурный слой поселения практически не выражен или же был нарушен более поздними памятниками и распашкой. Об этом свидетельствует наличие большого количества керамической «крошки» в слое темно-серого песка с довольно четкой, иногда волнистой, нижней границей. По результатам шурфовок и сборов подъёмного материала можно предположить на этой же территории наличие могильника X–XI вв. с захоронениями по обряду кремации, выделяемого по кальцинированным костям и украшениям из бронзы со следами воздействия огня, а также селища, существовавшего непродолжительное время или просто хозяйственной активности на этом месте в позднем Средневековье.

Заключение. Обнаруженный клад является одним из свидетельств контактов населения Среднего Поочья и Среднего Поволжья в VII в. до н. э., а также, опосредованно, с населением «раннескифского мира» юга лесостепи и степи. Полевые исследования показали, что клад, вероятно, был приурочен к периферии поселения рубежа бронзового – начала раннего железного века Тырново 14 (7), но определить его характер (воинский или экономический) не представляется возможным. В целом клад у Одоевский гор по своему составу, главным образом украшениям, довольно схож с известными и территориально близкимикладами раннего железного века, но чуть более поздними – Дютюковскому (Кренке и др., 2011) и Щербинскому (Дубынин, 1967). Отличительной же чертой является наличие в его составе конского снаряжения. Кроме того, выделяется клад и по количеству предметов – это один из самых крупных кладов, связанных с древностями АКЮ, в Волго-Окском междуречье.

Известные единичные находки акозинско-меларских кельтов и отдельных предметов из металла VIII–VI вв. до н. э. на территории Волго-Окского междуречья (Кузьминых, 1993, с. 96, рис. 2) пока не позволяют однозначно говорить о процессах, повлекших их появление. Распространение древностей АКЮ в

глубь лесной зоны из Среднего Поволжья, по всей видимости, проходило в северо-западном направлении – вверх по течению р. Волги, о чём свидетельствуют поселенческие материалы Костромского Поволжья (Новиков, 2018). На территории Поочья и в целом на большей части Волго-Окского междуречья поселенческие материалы, связанные с АКИО, не известны. Тем не менее в нижнем Поочье хорошо известен отнесённый к аозинской культуре Младший Волосовский могильник (Кузминых, Чижевский, 2006).

Ранее исследователями отмечался определенный вклад населения, оставившего памятники с «текстильной» керамикой конца бронзового века Волго-Очья, в образование аозинской культуры АКИО (Кузминых, Чижевский, 2017, с. 23–24). Степень и послед-

ствия же обратного влияния носителей культур АКИО на материальную культуру населения VIII–VI вв. до н. э. Поочья находятся во многом ещё только в начале своего изучения. На территории большей части Волго-Очья этот сложный период знаменуется началом распространения городищ, формированием дьяковской и городецкой культур и в целом сменой эпох. По сути, для доистории Волго-Очья обнаруженные древности, связанные с АКИО, являются одними из единственных надёжных маркеров этой сложной переходной эпохи. Не вызывает сомнения, что дальнейшие более тщательные исследования этих свидетельств, и в частности клада у Одоевских гор, с учётом их контекста позволят более уверенно рассматривать этот пока малоизученный, но важный период древности.

Благодарность:

Выражаем сердечную благодарность П.В. Бирюкову за содействие в получении информации о месте обнаружения клада, а также И.В. Белоцерковской и Н.А. Биркиной за помощь и комментарии при подготовке данной работы.

Примечания:

¹ Предварительные исследования состава металла небольшой выборки из всех категорий изделий по поверхности при помощи РФА-анализатора Bruker MISTRAL M1 показали, что все они сделаны из бронзы с довольно значительным добавлением олова (от 11% до 19%) и в случае ажурной бляхи – также свинца (2,2 %). Исключение составили псалы – обе только из меди с незначительным содержанием олова (0,28% и 0,63%).

² Встречено два обозначения памятника: 14 – в полевом отчете и паспорте памятника, 7 – по Археологическая карта..., 1995, с. 176.

³ В 2014 году эти перекопы не обнаружены.

⁴ Примечательно отсутствие крупных отвалов, которые были бы сопоставимы с количеством вынесенного грунта из таких площадок.

⁵ Поражает своей приспособленностью и масштабом способ грабежа и уничтожения памятника – по всей видимости, снятый грунт с кремациями был просто вывезен с места при помощи техники с целью его дальнейшего просеивания в удобных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

Азаров Е.С. Отчет о разведках Окской археологической экспедиции Исторического музея в Шиловском и Спасском районах Рязанской области в 2014 г. / Архив ИА РАН, 2018.

Археологическая карта России: Рязанская область. Часть 2 / Авторы-составители Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. М.: ИА РАН, 1995. 221 с.

Ахмедов И.Р. Рязанские финны в озерной Мещере в третьей четверти I тыс. н.э. // *Urbi et Orbi*. Сборник научных работ в честь юбилея И.Г. Кусовой / Отв. ред. А.А. Гомзин. Рязань: Политех, 2020. С.23–48, 177–178.

Ахмедов И.Р., Азаров Е.С., Дулебова Н.А. Исследования городища у с. Терехово в 2013 г. // *АО 2010–2013*. / Отв. ред. В.Н. Лопатин. М.: ИА РАН, 2015. С. 126–128.

Беговатов Е.А., Истомин К.Э., Марков В.Н., Руденко К.А., Чижевский А.А. Новые находки ананьинского времени с Мурзихинского могильника // *Финно-угры России. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой*. Вып. 1 / Отв. ред. В.С. Патрушев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 126–157.

Биркина Н.А. Исследования могильника Городище 2 культуры рязано-окских финнов // *Археологические исследования в Центральном Черноземье 2020* / Отв.ред.-сост. М.В. Ивашов. Липецк, Воронеж: Новый взгляд, 2021. С. 134–136.

Вальчак С.Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М.: Таус, 2009. 291 с.

Воробьева С.Л. Ананьинский компонент Кара-Абызской культуры (по материалам костюмного комплекса) // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв.ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 314–330.

Дубынин А.Ф. Клад Щербинского городища // КСИА. Вып. 112. М.: Наука, 1967. С. 99–104.

Зеленцова О.В., Милованов С.И. О планировке Подболотьевского могильника // Финно-угорские древности второй половины I – начала II тысячелетия н.э. Материалы научного семинара «Подболотьевский могильник: 100 лет исследований» / Ред.-сост. О.В. Зеленцова. М.: ИА РАН, 2021. С. 12–28.

Каверзнева Е.Д. Отчет о разведках в Спасском и Шировском районах в 1986 г. / Архив ИА РАН. Р. 1. №11949.

Кренке Н.А., Лазукин А.В., Тавлицева Е.Ю. Клад украшений с городища Дютьково // РА. 2011. № 1. С. 134–148.

Кузьминых С.В. Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной исторической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3. / Отв.ред. В.П. Челябинов. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1993. С. 61–109.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. К проблеме культурной принадлежности Младшего Волосовского могильника // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв.ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 162–170.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. №3 (10). С. 101–136.

Макаров Н.П. Николай Владимирович Нащокин – археолог Красноярского краевого краеведческого музея // Древности Приенисейской Сибири. Вып. IX / Отв.ред. П.В. Мандрыка. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. С. 17–31.

Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський: Інститут археології НАН України, 2008. 440 с.

Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.

Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья / Археология евразийских степей. Вып. 14. Казань: ИИ АН РТ, 2012. 408 с.

Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Археология Евразийской степей. 2018. №2. С. 12–289.

Патрушев В.С. Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника // СА. 1982. №4. С. 186–200.

Патрушев В.С. Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени / Археология Поволжья и Урала: материалы и исследования. Вып. 2. Казань: ООО Фолиант, 2011. 276 с.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 278 с.

Сыроватко А.С. Период финальной бронзы в Москворечье: состояние источников и проблема их интерпретации // Тверской археологический сборник. Вып. 9. / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 360–373.

Уваров Ф.А. Курманский могильник // Древности. Труды Имп. Московского археологического общества. Том XIV. М. 1890. С. 328–341.

Фоломеев Б.А. Окские городища // Памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья / Отв. ред. В.П. Челябинов. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1993. С. 3–21.

Фоломеев Б.А. Типология текстильных отпечатков и хронологическое распространение отдельных видов сетчатых фактур. Дополнения из черновиков // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 319–335.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II (VI–III вв. до н.э.). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 322 с.

Информация об авторах:

Азаров Евгений Сергеевич, заведующий сектором отдела археологических памятников, Государственный Исторический музей (г. Москва, Россия), hazari4@yandex.ru

Ахмедов Илья Рафаэлевич, старший научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири, Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург, Россия), i_akhmedov@mail.ru

REFERENCES

- Azarov, E. S. 2018. *Otchet o razvedkakh Okskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Istoricheskogo muzeia v Shilovskom i Spasskom raionakh Riazanskoj oblasti v 2014 g. (Report on Explorations by the Oka Archaeological Expedition of the Historical Museum in Shilovsky and Spassky Districts of Ryazan Oblast in 2014)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Krasnov, Yu. A., Mikhal'chenko, S. E. (comp.). 1995. *Arkheologicheskaja karta Rossii: Riazanskaia oblast' (Archaeological Map of Russia: Ryazan Oblast). Riazanskaia oblast' (Ryazan Oblast)*. Part 2. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Akhmedov, I. R. 2020. In Gomzin, A. A. (ed.). *Urbi et Orbi. Sbornik nauchnykh rabot v chest' iubileia I.G. Kusovoi (Urbi et Orbi. Collection of Scientific Papers Dedicated to the Anniversary of I.G. Kusovaya)*. Ryazan: "Politekh" Publ., 23–48, 177–178 (in Russian).
- Akhmedov, I. R., Azarov, E. S., Dulebova, N. A. 2015. In Lopatin, V. N. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 (Archaeological Discoveries of 2010–2013)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 126–128 (in Russian).
- Begovatov, E. A., Istomin, K. E., Markov, V. N., Rudenko, K. A., Chizhevsky, A. A. 1993. In Patrushev, V. S. (ed.). *Finno-ugry Rossii. Pamyatniki s nitochno-ryabchatoy keramikoy (Finno-Ugric Peoples of Russia. Sites with Thread and Speckle Ceramics)* 1. Yoshkar-Ola: Mari State University Publ., 126–157 (in Russian).
- Birkina, N. A. 2021. In Ivashov, M. V. (ed.). *Arkeologicheskie issledovaniia v Centralnom Chernozem'e 2020 (Archaeological Studies in the Central Black Earth Region 2020)* Lipetsk, Voronezh: "Nivyi vzglyad" Publ., 134–136 (in Russian).
- Val'chak, S. B. 2009. *Konskoe snariazhenie v pervoi treti I-go tys. do n. e. na iuge Vostochnoi Evropy (Horse Harness in the First Third of the 1st Millennium B.C. in the South of Eastern Europe)*. Moscow: "Taus" Publ. (in Russian).
- Vorob'eva, S. L. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 314–330 (in Russian).
- Dubynin, A. F. 1967. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 112. Moscow: "Nauka" Publ., 99–104 (in Russian).
- Zelentsova, O. V., Milovanov, S. I. 2021. In Zelentsova, O. V. (ed.). *Finno-ugorskie drevnosti vtoroi poloviny I – nachala II tysiacheletiiia n.e. Materialy nauchnogo seminara «Podbolot'evskii mogil'nik: 100 let issledovaniia» (Finno-Ugric Antiquities of the Second Half of the 1st - Early 2nd Millennia AD. Materials of the Scientific Seminar "Podbolotievsky Burial Ground: 100 Years of Study")*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 12–28 (in Russian).
- Kaverzneva, E. D. 1986. *Otchet o razvedkakh v Spasskom i Shilovskom raionakh v 1986 g. (Report on Explorations in Spassky and Shilovsky Districts in 1986)*. Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, inv. R.1, dossier 11949 (in Russian).
- Krenke, N. A., Lazukin, A. V., Tavlintseva, E. Yu. 2011. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (1), 134–148 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 1993. In Cheliapov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Srednego Pooch'ia (Archaeological Sites of Middle Oka Area)* 3. Ryazan: Science and Production Center for Protection and Management of Historical and Cultural Sites of the Ryazan Region, 61–109 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Chezhevskii, A. A. 2006. In Obydenova, G. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Iuzhnyi Ural i sopredel'nye territorii v skifo-sarmatskoe vremia (Southern Ural and Adjacent Territories in Scythian and Sarmatian Time)*. Ufa: "Gilem" Publ., 162–170 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Chezhevskii, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 9 (3), 101–136 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Chezhevskii, A. A. 2017. In *Arkheologiiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3. 22–36 (in Russian).
- Makarov, P. N. 2018. In Mandryka, P. V. (ed.). *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri (Antiquities of the Yenisei River Siberia)* 9. Krasnoarsk: Krasnoarsk State Pedagogical University Publ., 17–31 (in Russian).

Mogilov, O. D. 2008. *Sporiadzhennia konia skifs'koï dobi u Lisostepu Skhidnoï Evropi (Inventory of a Horse from the Scythian Period in the Forest-Steppe Area of Eastern Europe)*. Kiev; Kamianets-Podilskyi: Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine (in Ukrainian).

Murasheva, V. V. 2000. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniia (X–XIII vv.) (Early Russian Builtup Belt Decoration (10th–13th Centuries))*. Moscow: “Editorial URSS” Publ. (in Russian).

Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Funerary Sites of the 9th–11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfluvial Area)*. Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: Institute for History named after Shigabuddin Mardzhani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (in Russian).

Novikov, A. V. 2018. Poseleniia s grebenchato-shnurovoi i shurovoi keramikoi rannego zheleznogo veka Kostromskogo Povolzh'ia (Settlements with comb-corded and corded ceramics of the early iron age from the Kostroma Volga Region) In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2 (in Russian).

Patrusheva, V. S. 1982. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 186–200 (in Russian).

Patrushev, V. S. 2011. *Mogil'niki Volgo-Kam'ia rannean'an'inskogo vremeni (Burial Grounds of the Volga-Kama Region of the Early Ananyino Period)*. Series: Arkheologiya Povolzhia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 2. Kazan: “Foliant” Publ. (in Russian).

Patrushev, V. S., Khalikov, A. Kh. 1982. *Volzhskie anan'intsy (Starshii Akhmylovskii mogil'nik) (The Volga Ananyino People (The Elder Akhmylovo Burial Ground))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Syrovatko, A. S. 2011. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Articles)* (9). Tver: “Triada” Publ., 360–373 (in Russian).

Uvarov, F. A. 1890. In *Drevnosti. Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of Imperial Moscow Archaeological Society)* XIV, 328–341 (in Russian).

Folomeev, B. A. In Chelyapov, V. P. (ed.). *Pamiatniki rannego zheleznogo veka Oksko-Don'skogo mezhdurech'ia (Sites of the Early Iron Age in the Oka–Don Interfluve)*. Ryazan, 3–21 (in Russian).

Folomeev, B. A. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 319–335 (in Russian).

Khalikov, A. Kh. 1977. *Volgo-Kam'e v nachale epokhi rannego zheleza. VIII–VI vv. do n. e. (The Volga-Kama Region in the Beginning of the Early Iron Age (8th–6th Centuries BC))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. *Pogrebal'nye pamiatniki naseleniia Volgo-Kam'ia v finale bronzovogo – rannem zheleznom vekakh (predan'an'inskaia i anan'inskaia kul'turno-istoricheskie oblasti) Burial sites of the population of Volga-Kama in the Final Bronze – Early Iron Ages (pre-Ananyino and Ananyino cultural and historical areals)*. Series: Archaeology of Eurasian Steppes, 5. Kazan: “Shkola” Publ. (in Russian).

Shul'ga, P. I. 2015. *Snariazhenie verkhovoi loshadi v Gornom Altai i Verkhnem Priob'e. Ch. II (VI–III vv. do n.e.). (Saddle Horse Gear in Mountain Altai and Upper Ob Area. Part II (6th – 3rd centuries B.C.))*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ. (in Russian).

About the Authors:

Azarov Evgenii S. State Historical Museum. Red Square, 1, Moscow, 109012, Russian Federation; hazari4@yandex.ru

Akhmedov Ilya R. State Hermitage. Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), 34, Saint Petersburg, 190 000, Russian Federation; i_akhmedov@mail.ru

Статья поступила в журнал 09.01.2022 г.
Статья принята к публикации 09.09.2022 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.